

Ганнибал в Сольвычегодске

Там некогда гулял и я:

Но вреден север для меня.

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Каждый регион России имеет свои пушкинские традиции. Известно, что поэт не бывал на Русском Севере. Однако судьба Пушкина могла сложиться и по-иному. Это открылось в XX столетии в Сольвычегодске.

«Глухой Сольвычегодск был удобным местом для ссылки. В зачарованном городе я нашел необычайное свидетельство о том, что департамент полиции имел намерение заточить сюда в ссылку даже величайшего русского гения — Александра Сергеевича Пушкина», — читаем в очерке С. Н. Маркова «Зачарованные города», опубликованном в альманахе «Север» (№ 1/1936).

«Еще до революции некий Воскресенский, писец Сольвычегодского полицейского управления, — пишет автор очерка, — несколько раз заявлял, что в архиве управления хранится необычная переписка. Воскресенский называл эту переписку делом о Пушкине. Департамент полиции якобы в особой бумаге предписывал полицейским чинам Сольвычегодска приготовиться к прибытию опального поэта. Исправнику предлагалось подыскать для Пушкина квартиру. Далее сообщался порядок надзора за будущим ссыльным. Сольвычегодский государственный музей высказывается о деле Пушкина утвердительно, но где оно сейчас, неизвестно».

А. С. Пушкин избежал северного заточения, но Сольвычегодск стал местом ссылки его дяди, Павла Исааковича Ганнибала, о чем свидетельствуют документы, любезно предоставленные мне сотрудниками Сольвычегодского историко-художественного музея.

«Государь император высочайше повелеть соизволил ... отставного подполковника Ганнибала выслать Вологодской губернии в город Сольвычегодск, где жить ему под надзором полиции» (7 октября 1826 г.).

За что же дядя поэта подвергся преследованию и многолетней ссылке, разбившей его жизнь и, несомненно, ускорившей неизбежный конец?

На этот вопрос исчерпывающий ответ дает дело из Архива бывшего III отделения (1-й экспедиции 1826 г., № 127, на 43 листах) «О сосланном под надзор полиции в г. Сольвычегодск отставном подполковнике Ганнибале».

Оказывается, что жизнь П. И. Ганнибала, приходившегося двоюродным братом Надежде Осиповне Пушкиной, была искалечена событиями 14 декабря 1825 г., «прикосновенным» к которым он оказался совершенно для себя неожиданно, поддавшись на несомненную провокацию некоего Краковского. Неожиданно потому, что вся предшествующая жизнь тогда уже 50-летнего Ганнибала, прослужившего на флоте и в кавалерии около 33 лет и находившегося уже в отставке, была, по-видимому, совершенно далека от какой бы то ни было политики.

Второй из восьми сыновей Исаака (Саввы) Абрамовича Ганнибала и жены его Анны Андреевны, урожденной Чихачевой, родной внук «арапа Петра Великого», Павел Исаакович родился в 1776 или 1777 г., когда его знаменитый дед был еще жив, хотя уже и находился не у дел, а отец, в то время отставной капитан третьего ранга, жил в своих псковских вотчинах, в Опочевском или Новоржевском уезде, где у него было свыше 800 душ крестьян.

Павел Исаакович был человеком жизнерадостным, добродушным, гостеприимным, но, как и все Ганнибалы, своенравным и вспыльчивым. Павел, по воспоминаниям Ольги Сергеевны, сестры поэта, был «олицетворением пылкой африканской и широкой русской натуры, бесшабашный кутила, но человек редкого честного и чистого сердца, чтобы выручить друзей из беды, помочь нуждающимся, не жалел ничего и рад лезть в петлю».

После окончания Лицея летом 1817 г. А. С. Пушкин приехал в Михайловское и побывал в Воскресенском, в гостях у дяди. Л. Н. Павлицев в «Воспоминаниях об А. С. Пушкине» пишет:

«Павел Исаакович Ганнибал был человек веселый. Во главе импровизированного хора бесчисленных деревенских своих родственников, вооруженный бутылкой шампанского, он постучал утром в дверь комнаты, предоставленной приехавшему к нему на именины Александру Сергеевичу, и пропел ему следующий экспромт:

Кто-то в двери постучал:

Подполковник Ганнибал,

Право слово, Ганнибал,

Пожалуйста, Ганнибал,

Свет-Исакыч Ганнибал,

Сделай милость, Ганнибал,

Тьфу ты, пропасть, Ганнибал!»

Как видим, дядя Пушкина не был лишен и поэтического дарования.

17 февраля 1790 г. Павел Исаакович был определен кадетом в Морской корпус, в 1791 г. его произвели в гардемарины, а 1 мая 1794 г. — в мичманы. В 1792—1796 гг. Ганнибал ежегодно совершал плавания в Балтийском море и Финском заливе, от Кронштадта до Роченсальма; в 1797 г. был в кампании у Красной Горки с флотом, находившимся под штандартом Павла I. 1798 год Ганнибал провел при Кронштадтском порте, а 28 ноября 1799 г. вышел из флота с тем же чином мичмана и продолжил свою карьеру в кавалерии: стал корнетом в Первом волонтерском казачьем Яхонтова полку.

Ганнибал был награжден орденом Анны III степени, получив от своего шефа свидетельства об оказанной им в сражениях храбрости. В чине майора он принимал участие в Отечественной войне 1812 г. (награжден орденом Владимира IV степени с бантом). Служа затем в Изюмском гусарском полку, Ганнибал был пожалован в подполковники, в каком-то чине и застал его 1826 год, принесший ему столько горестей.

Павел Ганнибал писал в собственноручном письме к графу Бенкендорфу в 1833 г., уже по возвращении из заточения, рассказывая шефу жандармов о перенесенных с 1826 г. злоключениях:

«Ваше Сиятельство!

Милостивый Государь!

Александр Христофорович!

Несчастия, имеющие право на покровительство Ваше, по сродному величию души Вашей, заставили меня прибегнуть к особе Вашей — позвольте излить скорбной души моей истину.

Вот плачевная моя история. В 1826 г., июня месяца, числа не упомню, я зашел отобедать в ресторацию и, к несчастью моему, встретился там с господином подполковником Краковским, который, вероятно, с намерением начав со мною разговор, обратил его на тех несчастных, которые по заслугам своим получили уже достойное наказание, упрекал их в возмущении 1825 г. — делал самые поносные замечания. Я, хотя не имел короткого знакомства с господином подполковником, но, движимый чувством сострадания, решился напомнить ему указ милостивого Монарха нашего, запрещающий упреки потерпевшим наказания, но он, не внимая словам моим, еще более старался увлечь меня в вышеупомянутый разговор и достиг желаемой цели: я потерял должное хладнокровие и, желая сказать, что по преступлению своему те несчастные получили достаточное наказание, — из уст моих вырвалось слово, что они слишком строго наказаны.

Вот вся моя вина, которую по совести объявляю Вашему Сиятельству, покорнейше прося обратить внимание на 30-летнюю службу мою Коронованной особе, в продолжение которой долг присяги и чувства верноподданного всегда были и будут для меня священны.

По прошествии двух месяцев после описанного мною происшествия я, не чувствуя за собою более вины, был взят в полночь с квартиры моей бывшим литейным частным приставом Страмиловым и представлен к господину обер-полицмейстеру Княжнину, а от него — к бывшему господину генерал-губернатору Кутузову, который встретил меня вопросом: “Что ты говорил? Признавайся!” Я не знал, что ответить ему, покамест не увидел в другой комнате господина Краковского, — и, тогда уже вспомнив вышеописанный разговор, назад тому 2 месяца происходивший между мною и господином подполковником Краковским, сие по совести тотчас же и объявил.

Сего достаточно было, чтобы обвинить меня. Господин генерал-губернатор сказал мне, что облегчится мое наказание признанием, что слова я выговорил, быв в пьяном виде, хотя подлая страсть сия никогда мною не обладала, но, быв совершенно расстроен в тогдашнем положении, беспрекословно и не читая подписал то, что было угодно написать бывшему полицмейстеру Чихочеву по приказанию господина генерала губернатора, вследствие чего и отправлен был в Петропавловскую крепость, в каземат.

По прошествии двух недель полицмейстер Даршау, снимая с меня допрос, открыл мне, что донесения господина подполковника Краковского не подтвердились представленными свидетелями от него пятью особами, и потому льстил себя надеждою, что испытания мои окончились, что подтвердил и господин полицмейстер Даршау, признавая меня невинным. Но время текло, и я, теряя постепенно надежду освобождения, впал в болезнь, которая расстроила совершенно мое здоровье, несмотря на помощь господина штаб-лекаря; я впал в сильную ипохондрию. В таком положении был взят из Петропавловской крепости по прошествии двух месяцев и содержался в съезжем доме 1-й Адмиралтейской части — до отправления меня под присмотром в Вологодскую губернию в г. Сольвычегодск.

Признавая в душе себя совершенно невинным, кроме в горячности без всякого умысла произнесенного слова, удаленный от всего, что человек считает священным для себя, отягченный подозрением правительства, раздирающим сердце верноподданного, — я страшился потерять последний рассудок.

В столь бедственном положении прибыл я в Сольвычегодск. Я не был пощажен тамошним господином городничим Соколовым: к квартире моей были приставлены десятские, сам господин городничий, ежедневно посещая меня в нетрезвом виде более обращением своим расстраивал мое здоровье — ипохондрия усиливалась, о чем и рапортовано было ежемесячно им, господином городничим, куда следует. В несчастном моем положении избегая всякого общества, я навлек на себя вражду, тем более, что в одно время наскуча

посещением незваных гостей моих, забывших должную благопристойность, в том числе и господина городничего, — я решился выгнать их вон.

Вскоре после одного происшествия получено от бывшего Архангельского господина генерал-губернатора Милицкого, предписание, чтобы я вел себя благопристойно. Я взят был через 2 месяца присланным унтер-офицером из Корпуса жандармов и увезен в Соловецкий монастырь где с лишком 6 лет наистрожайшее наказание было моим уделом, без всякого следствия со стороны начальства, утверждаясь лишь на одном донесении господина городничего Соколова.

Ваше Сиятельство! Мои несчастья, которые я описал, [дают мне смелость], прилагая формулярный о службе моей листок, утруждать особу Вашу покорнейшею просьбою об исходатайствовании мне позволения вступить в какую-либо службу, дабы я мог рвением на пользу Отечества обратиться ко мне Монарха моего и тем совершенно изгладить неумышленную вину мою.

Беру смелость уверить Вас, почтенный Граф, в истинном высокопочитании и преданности, с кою имею честь назваться Вашего Сиятельства Милостивого Государя преданнейший слуга, отставной подполковник Павел Ганнибал.

1833 г., марта 25 дня».

Это письмо было написано через семь лет после начала гонений. Копия его хранится в музее.

Художник-реставратор ВХНРЦ имени Грабаря, С. А. Субачев, всерьез изучавший историю Сольвычегодска в Архангельском областном архиве, сообщил мне, что, ознакомясь с документами, он нашел сведения, свидетельствующие: Павел Ганнибал был не очень-то примерным ссыльным. Проживал он на втором этаже дома купцов Пьянковых (этот особняк и ныне находится в Сольвычегодске). Ганнибал стрелял с балкона из сигнальной пушки, пил шампанское в количествах весьма значительных и был неравнодушен к женскому полу.

Сольвычегодский городничий Соколов характеризовал Ганнибала, как человека «азартного» и «отчаянного». После вышеописанного в письме Ганнибала случая, когда поднадзорный выгнал докучливых гостей, 1 февраля 1827 г. секретным донесением за № 1 Василий Васильевич Соколов сообщал министру внутренних дел Ленскому о том, что пытался образумить ссыльного и заставить его извиниться перед гостями:

«Подполковнику Ганнибалу я оное объявил в двенадцатом часу перед полуднем того же числа... Он, придя в сильный азарт, мне отвечал: «Как смел генерал-губернатор обо мне так писать, чтоб я испросил прощение — и у кого же: у купцов. Не думает ли он, что это ему пройдет? — Нет!» Встав со стула, свирепо спросил у меня: «И Вы, Василий Васильевич, доносили на меня?.. Знайте же, что я Вас убью, застрелю, и что это не на словах, а на самом деле исполню!..»

К министру внутренних дел поступило предложение: «Не благоугодно ли будет Вам освободить г. Сольвычегодск от столь опасного для жителей тамошних чиновника, назначив ему, Ганнибалу, местопребыванием Соловецкий монастырь?»

26 апреля 1827 г. в сопровождении жандармского офицера Павел Исаакович выехал из Сольвычегодска. 9 мая он прибыл на Соловки, где и провел пять с половиной лет. Жена Ганнибала, Варвара Тихоновна, хлопотала об освобождении мужа, подавала на имя императора прошения о помиловании.

27 сентября 1832 г. состоялся всеподданейший доклад Бенкендорфа, и на этот раз Ганнибалу улыбнулась удача: ему было разрешено выбрать себе любое место жительства, за исключением столицы. По приезде в Архангельск Ганнибал объявил военному губернатору, что жить хочет в Луге, где и поселился 25 марта 1833 г.

Подробности дальнейшей судьбы внука «Арапа Петра Великого» неизвестны. Умер он до 1841 г.

Ирина Истомина — преподаватель литературы Котласского педагогического колледжа.

Автор выражает благодарность сотрудникам Сольвычегодского историко-художественного музея, предоставившим необходимые в работе над статьей копии документов.